

Н.А. КРАСАВСКИЙ
(Волгоград)

**КОНЦЕПТЫ «ДУХ» И «ДУША»
В ПОВЕСТИ ГЕРМАНА ГЕССЕ
«СИДДХАРТХА»**

Обсуждается проблема авторской интерпретации социально важных феноменов для швейцарско-немецкого писателя Германа Гессе – духа и души, выступающих в качестве нравственных инструментов, регулирующих поведение рефлексирующей личности. Интерпретативный анализ повести Г. Гессе «Сиддхартха» выявляет образную и ценностную составляющие концептов «дух» и «душа» в сложно структурированной аксиологической картине мира писателя.

Ключевые слова: *концепт, индивидуально-авторский концепт, лингвокультура, образ, ценность, ассоциация.*

Деидеологизация общественной жизни в нашей стране в конце 1980-х гг. и, в частности науки (в особенности гуманитарной), имела своим логическим следствием интенсивное формирование и успешное развитие в филологии ряда новых – антропоцентрически ориентированных направлений. Уместно вспомнить высказанные более двадцати лет назад слова Б.А. Серебrenникова, прогнозировавшего и угадавшего «человеческое» развитие филологической науки: «При антропологическом подходе к изучению языковых явлений необходимо решение такой фундаментальной задачи, как определение *влияния человека* на его язык и *языка на человека*, его мышление, культуру, его общественное развитие в целом» (курсив мой. – Н.К.) [7, с. 9].

Последние два десятилетия, как показывает обзор работ, обогатили не только филологию, но и отечественную гуманитарную область знания в целом многими продуктивными идеями, реализация которых привела к образованию новых «стыковых» научных направлений, а следовательно, и к созданию интегративной модели толкования мира, объяснения онтологии человека. Высокий коэффициент полезного действия лингвистов в развитии интегративной науки мы объясняем, во-первых, общей тенденцией к устранению «пергородок» между разными отраслями знания, мешающих глубокому и эффективному осво-

ению мира, быстро меняющего свой облик, во-вторых, исчерпанностью эвристического потенциала прежних парадигм, в-третьих, востребованностью филологических данных представителями смежных с лингвистикой научных дисциплин – прежде всего психологами, социологами, культурологами и когнитологами. Важное место в формирующейся интегративной науке занимает, несомненно, лингвистика. Уникальность ее статуса среди гуманитарных наук заключается в самом объекте изучения – языке, который, с одной стороны, формирует и развивает человеческую мысль, кодирует человеческий опыт, а с другой – выступает как способ познания мира. В этой связи вспомним содержательную характеристику языка Л. Ельмслева, справедливо отметившего высокий эвристический потенциал лингвистики при толковании вербализованного человеком мира. В своих «Пролегоменах к теории языка» ученый указал на необходимость изучения языка как самого продуктивного способа интерпретации человеческой мысли, в целом – культуры: «Язык, рассматриваемый как знаковая система и как устойчивое образование, используется как ключ к системе человеческой мысли, к природе человеческой психики. Рассматриваемый как надиндивидуальное социальное учреждение, язык служит для характеристики нации. Рассматриваемый как колеблющееся и изменяющееся явление, он может открыть дорогу как к пониманию стиля личности, так и к событиям жизни прошедших поколений» [2, с. 132]. Язык как активный посредник (“Zwischenwelt” в терминологии классика Л. Вайсгербера) между действительностью и сознанием Homo loquens все чаще попадает в орбиту интересов многих специалистов смежных с лингвистикой научных дисциплин – логиков, психологов, психоаналитиков, социологов, культурологов, этнографов, этнологов, культурантропологов. Постоянное апеллирование ученых-гуманитариев как к теоретическим воззрениям языковедов, так и непосредственно к созданной ими обширной эмпирической базе свидетельствует, во-первых, о релевантности языковых фактов для адекватного всестороннего научного объяснения мира, во-вторых, о явно выраженной интеграции наук, расширяющей горизонты человеческого познания действительности.

Судя по многочисленным разножанровым публикациям, наиболее перспективными из формировавшихся в первой половине 1990-х гг.

направлений оказались, вне сомнений, лингвокультурология и лингвоконцептология, триумфальное шествие которых обусловлено, институционально – снятием в конце 1980-х годов табу на научное исследование целого ряда социально релевантных тем – и (что не менее важно!) активной деятельностью российских научных школ, в том числе и волгоградских лингвистических школ – известных в России и за ее пределами профессора В.И. Шаховского, руководителя научно-исследовательской лаборатории «Язык и личность» (Волгоградский государственный социально-педагогический университет) и профессора В.И. Карасика, руководителя научно-исследовательской лаборатории «Аксиологическая лингвистика» (Волгоградский государственный социально-педагогический университет). В рамках этих лабораторий успешно подготовлены десятки диссертационных работ, в том числе и по проблемам лингвоконцептологии, лингвокультурологии и аксиологической лингвистики.

В последние пять-шесть лет в фокусе внимания лингвоконцептологов все чаще оказываются *индивидуально-авторские* концепты, что объясняется исчерпывающим лингвокультурологическим описанием значительного числа общенациональных концептов (в особенности, этномаркированных). Перспективность обращения лингвоконцептологов к анализу индивидуально-авторских концептов – и в целом концептосфер – обусловлена следующими обстоятельствами: во-первых, перечень ценностей культуры лимитирован (ценностная составляющая концепта есть его облигаторный признак), следовательно, концепты в их лингвокультурологическом понимании количественно исчерпаемы, во-вторых, ранее изучались, как правило, усредненные ценности, ценности, разделяемые большинством носителей того или иного языка, на периферии же исследовательской практики по-прежнему остаются *индивидуальные* ценностные ориентиры. Вне исследовательского поля лингвоконцептологии, направившей свои усилия на описание этнического менталитета, менталитета социальных групп того или иного лингвокультурного сообщества, оказалась задача описания концептосферы индивидуальной, т.е. системы авторских ценностей, часто оформленных образами, которыми мыслит не среднестатистическая, а элитарная языковая личность – известные ученые, писатели, некоторые обще-

ственные и государственные деятели, обогатившие своими концептами как минимум групповые концептосферы, а в ряде случаев – и общенациональные.

В предлагаемой читателю статье характеризуются индивидуально-авторские концепты «дух» (Geist) и «душа» (Seele) в повести Германа Гессе «Сиддхартха» (Siddhartha. Eine indische Dichtung) (1922 г.). Выбор для интерпретативного анализа данных концептов обусловлен их значительным местом в творчестве Г. Гессе – крупнейшего писателя прошлого века, повлиявшего своими произведениями и деятельностью на европейскую культуру и, в частности, на литературу. Интеллектуал Г. Гессе на протяжении всей своей жизни обращался к проблеме становления человека в социуме, анализу поступков людей, выявлению мотивов их действий и т.п. Будучи тонким психологом, обладая колоссальными знаниями культур разных народов, их религий, обычаев, глубоко разбираясь в истории формирования цивилизации, в законах ее функционирования, писатель находился в постоянном мучительном поиске причин человеческого обезличивания (в его терминологии – *Entselbstung*), потери индивидом своей «самости» (*Selbstheit*), пытался найти пути, ведущие к ее реконструкции.

Следует заметить, что как сложные когнитивные образования концепты «дух» и «душа» обнаруживают не только значительные сходства между собой, но и заметные различия в индивидуальной концептосфере Г. Гессе. В частности, в его романе «Нарцисс и Златоуст» (1930 г.) дух и душа являются, по сути, если воспользоваться психоаналитической терминологией К.Г. Юнга, производными архетипов (элементов бессознательного) «анимус» (мужская душа, мужской дух) и «анима» (женская душа) [8]. В упомянутом произведении Г. Гессе, изображая беседы протагонистов романа, часто противопоставляет их – Нарцисса, сильного духом (*Geistesmensch*), обладающего волей, способного стать и впоследствии ставшего аскетом (мужской путь – *анимус*), и Златоуста, отклонившего путь аскета, выбравшего чувственную жизнь (женское начало – *анима*), не сумевшего психологически вырваться из унаследованной им чувственной сферы своей матери, олицетворяющей для него всех женщин с их колдовскими чарами (подробнее см.: [4]). На архетипах психологически держится сама человеческая цивилизация. Они «рассеяны» в культурном пространстве социума,

в том числе и в его текстовом пространстве. Их поиск и описание важны для ученых, в особенности для тех лингвоконцептологов, которые в качестве своих исследовательских приоритетов избирают индивидуально-авторские концептосферы.

Для нас интересны прежде всего образные и ценностные характеристики концептов *Geist* и *Seele*. Остановимся вначале на образах, посредством которых эти концепты выражены в повести «Сиддхартха». Они, как показывает материал, находят в этом произведении яркое метафорическое воплощение. Хорошо известно, что лингвоконцептологи [1; 3; 6] при интерпретации концептов обращаются к анализу метафор, их выражающих. Расшифровка метафорической системы языка, в том числе и идиолекта, позволяет увидеть сложную взаимосвязь формирующих его концептосферу составляющих, часто четко очерченные контуры здания иерархии культурных ценностей индивидуума. Отсюда и повышенный интерес ученых к исследованию метафоры, которая, по образному выражению Х. Ортега-и-Гассета, «удлиняет “руку” интеллекта; <...> ее роль может быть уподоблена удочке или винтовке» [5, с. 72]. Метафора несет в себе чрезвычайно большой прагматический и эвристический потенциал, заложенный в ее природе: она самым неожиданным образом обнажает неизвестные нам ранее *отношения* между предметами мира. Метафорические описания номинируют увиденные человеком новые смыслы. Ассоциативность нашего языкомышления ведет к установлению формальных и функциональных сходств, связывающих предметы мира, к выявлению новых связей между ними. Обнаружение подобного рода ассоциативных отношений всегда культурно обусловлено: в социуме в разное время его существования легко обнаруживаются предпочтения в выборе объектов метафоры. Ими оказываются психологически, в целом культурно наиболее релевантные феномены с точки зрения того или иного человеческого сообщества на конкретном историческом промежутке его развития. Отсюда очевидна важность лингвокультурологического анализа косвенных номинаций (в особенности метафорических) для изучения прежде всего духовной жизни социума. За сложно организованной метафорической системой стоит *образ* – инструмент и в то же время результат мыслительной деятельности творческого человека – в особенности художника слова. Очевидно, что Г. Гессе отличает не

только умение глубоко мыслить, быть философом и психоаналитиком, но и талант создавать через метафоры уникальные образы, освоение которых позволяет читателю увидеть ярко выраженную авторскую интерпретацию человеческой жизни, замысловатую мозаику человеческих взаимоотношений, мотивов и поступков.

Значительное место в повести Г. Гессе для раскрытия концепта «душа» занимают явления природы – небо, звезды, солнце и река. Они символизируют печаль, беспокойство и терзания души Сиддхартхи – главного персонажа произведения: *...trug er doch keine Freude im Herzen. Träume kamen ihm und rastlose Gedanken aus dem Wasser des Flusses geflossen, aus den Sternen der Nacht gefunktelt, aus den Strahlen der Sonne geschmolzen, Träume kamen ihm und Ruhelosigkeit der Seele, aus den Opfern geraucht...* [9]. Образ реки – ключевой в этом ряду: *Über das Flussufer hing ein Baum gebeugt, ein Kokosbaum, an dessen Stamm lehnte sich Siddhartha mit der Schulter, legte den Arm um den Stamm und blickte in das grüne Wasser hinab, das unter ihm zog und zog, blickte hinab und fand sich ganz und gar von dem Wunsche erfüllt, sich loszulassen und in diesem Wasser unterzugehen. Eine schauerliche Leere spiegelte ihm aus dem Wasser entgegen, welcher die furchtbare Leere in seiner Seele Antwort gab. Ja, er war am Ende.* Здесь река ассоциируется в сознании протагониста с душевной пустотой, мимолетностью жизни человека. Уставший от праздной жизни, Сиддхартха видит в реке весь ужас своего нынешнего бытия – *schauerliche Leere, die furchtbare Leere in seiner Seele*. В реке, подобно зеркалу, отражено душевное состояние героя повести. Ушедший от саманов, во многом разочарованный философией их жизни, решивший искать смысл человеческого бытия в миру, Сиддхартха осознает тщетность своих усилий понять предназначение человека. Не обогатив себя духовно (*geistig*), ступив в мирскую жизнь, он страдает душевно (*seelisch*). Доведенный до отчаяния, Сиддхартха чувствует опустошенность души, она ему видится субстанцией, лишенной прежней чистоты, наполненной теперь грязью: *Gäbe es doch einen Wein, ein Gift, das ihm Betäubung brächte, Vergessen und Schlaf, und kein Erwachen mehr! Gab es denn noch irgendeinen Schmutz, mit dem er sich nicht beschmutzt hatte, eine Sünde und Torheit, die er nicht begangen, eine Seelenöde, die er nicht auf sich geladen hatte? War es denn noch möglich, zu leben?*

Собственная душа видится Сиддхартхе в образе испачканной одежды, изношенной, морщинистой: *Wie ein neues Kleid mit der Zeit alt wird, mit der Zeit seine schöne Farbe verliert, Flecken bekommt, Falten bekommt, an den Säumen abgestoßen wird und hier und dort blöde, fä-dige Stellen zu zeigen beginnt, so war Siddharthas neues Leben <...> verlor es mit den hinrinnen-den Jahren Farbe und Glanz, so sammelten sich Falten und Flecken auf ihm, und im Grunde ver-borgen, hier und dort schon häßlich hervorblik-kend, wartete Enttäuschung und Ekel.* Разочаро-вание в мире, отвращение к самому себе ста-новятся постоянными спутниками Сиддхарт-хи после его ухода от саманов в город – место соблазнов, которые молодой человек хотел на себе испытать и в полной мере испытал: *Sein Gesicht war noch immer klüger und geistiger als andre, aber es lachte selten, und nahm einen um den andern jene Züge an, die man im Gesicht rei-cher Leute so häufig findet, jene Züge der Unzu-friedenheit, der Kränklichkeit, des Missmutes, der Trägheit, der Lieblosigkeit. Langsam ergriff ihn die Seelenkrankheit der Reichen.*

Душа – это и локус воспоминаний Сид-дхархи. В ее тайных уголках (Bezirken seiner Seele) теплится и надежда: *Da zuckte aus ent-legenen Bezirken seiner Seele, aus Vergangen-heiten seines ermüdeten Lebens her ein Klang. Es war ein Wort, eine Silbe, die er ohne Gedan-ken mit lallender Stimme vor sich hin sprach, das alte Anfangswort und Schlusswort aller brahmanischen Gebete, das heilige <...> Das Damalige stand in seiner Seele auf, wieder sah er sich dort stehen, jung, ein bärtiger nackter Samana, das Haar voll Staub.* Душа уподо-бляется книге, ее можно читать: *Siddhartha blickte herüber wie ein Erwachender. Pfeilschnell las er in Govindas Seele, las die Angst, las die Ergebung.*

Не менее интересна характеристика души, познающей мир «анатомически» – через дыха-ние и выдыхание: *Schon verstand er, lautlos das Om zu sprechen, das Wort der Worte, es laut-los in sich hinein zu sprechen mit dem Einhauch, es lautlos aus sich heraus zu sprechen mit dem Aushauch, mit gesammelter Seele....*

Данному концепту в произведении при-писаны ярко выраженные ценностные ха-рактеристики. Он противопоставлен в по-вести, в частности, концепту «тело», об-ладающему негативными оценочными ха-рактеристиками: *Lange noch hätte er bei Kamaswami bleiben können, Geld erwerben, Geld vergeuden, seinen Bauch mästen und seine*

Seele verdursten lassen, lange noch hätte er in dieser sanften, wohlgepolsterten Hölle wohnen können... Сиддхартха имеет все возможности безбедно существовать, поступив на службу к купцу Камазвами. Однако ни работа, ни об-щение с людьми не дают ему удовлетво-рения жизнью. Этим объясняется и его бегство из города в лес, к реке, символизирующей мудрость мира. Близкий к суициду, Сиддха-ратха, взглядевшись в глубины величествен-ной реки, познает всю мудрость человече-ской жизни: *Von den Geheimnissen des Flus-ses aber sah er heute nur eines, das ergriff seine Seele. Er sah: dies Wasser lief und lief, immer-zu lief es, und war doch immer da, war immer und allezeit dasselbe und doch jeden Augen-blick neu! O wer dies fasste, dies verstünde! Er verstand und fasste es nicht, fühlte nur Ahnung sich regen, ferne Erinnerung, göttliche Stim-men. <...> Mehr aber, als Vasudeva ihn lehren konnte, lehrte ihn der Fluss. Von ihm lernte er unaufhörlich. Vor allem lernte er von ihm das Zuhören, das Lauschen mit stillem Herzen, mit wartender, geöffneter Seele, ohne Leidenschaft, ohne Wunsch, ohne Urteil, ohne Meinung.* Ист-ина, смысл человеческой жизни познаются душой.

В отличие от проанализированного выше концепта «душа» концепт «дух» в по-вести «Сиддхартха» не обладает столь раз-ветвленной системой образных характери-стик. Он ассоциируется с сосудом мудрости (*Lehrer, dass die weisen Brahmanen ihm von ihrer Weisheit das meiste und beste schon mit-geteilt, dass sie ihre Fülle schon in sein war-tendes Gefäß gegossen hätten, und das Gefäß war nicht voll, der Geist war nicht begnügt*); с блеском (*die Stirn umgeben vom Glanz des klardenkenden Geistes*); с пламенем (*liebte er seinen Geist, seine hohen, feurigen Gedanken, seinen glühenden Willen*), с пробуждением от сна, прозрением (*erwachte sein entschlummer-ter Geist*).

Концепту «дух» в повести приписаны четко выраженные ценностные характери-стики. Дух аккумулирует в себе познава-тельную деятельность человека, это интел-лект человека (*Glanz des klardenkenden Gei-stes; Viele Jahre musste ich damit hinbringen, den Geist zu verlieren, das Denken wieder zu verlernen*). Только обладающий духом может воспринимать мир целостно (*Schon verstand er, im Innern seines Wesens Atman zu wissen, unzerstörbar, eins mit dem Weltall*). Человек, обладающий духом (Geistesmensch), позна-

ет мир рационально, в то время как посредством души происходит его интуитивное, но не менее глубокое осмысление. Главный персонаж повести – мудрец Сиддхартха – осознает бытие обоими способами.

Повесть «Сиддхартха» – оригинальное по замыслу и исполнению произведение. Его создатель – тонкий психолог, увидевший сложные пути развития психической деятельности человека, показавший замысловатые конструкции противоречиво организованной человеческой души.

Литература

1. Воркачев С.Г. Любовь как лингвокультурный концепт : моногр. М. : Гнозис, 2007.
2. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Зарубежная лингвистика. М. : Изд. гр. «Прогресс», 1999. Т. I. С. 131–256.
3. Карасик В.И. Языковая кристаллизация смысла : моногр. Волгоград: Парадигма, 2010.
4. Красавский Н.А. Концепт «вина» в романе Г. Гессе «Нарцисс и Златоуст» // Грани познания: эл. науч.-образоват. журнал ГОУ ВПО «ВГПУ». 2011. № 1 (11). URL : <http://grani.vspu.ru>.
5. Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры // Теория метафоры. М.: Изд. гр. «Прогресс», 1990. С. 68–81.
6. Пименова М.В. Душа и дух: особенности концептуализации. Кемерово: Графика, 2004.
7. Серебренников Б.А. Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление. М. : Наука, 1988.
8. Юнг К.Г. Психологические типы / пер. на рус. яз. С. Лорие, В.В. Зеленского. М. : «Универ. кн.», 1996.
9. Hesse H. Siddhartha. URL: <http://www.hesse.ru>.

Concepts “spirit” and “soul” in the story by Hermann Hesse “Siddhartha”

There is discussed the issue of the author's interpretation of a socially important phenomena for a Swiss German writer Hermann Hesse – spirit and soul, which appear as moral instruments regulating the behaviour of a reflecting personality. The interpretative analysis of the story by Hermann Hesse “Siddhartha” reveals the figurative and value components of the concepts “spirit” and “soul” in the structured axiological world picture of the writer.

Key words: *concept, individual author's concept, linguistic culture, image, value, association.*

В.П. МОСКВИН
(Волгоград)

БУРЛЕСК В СВЕТЕ АНТИЧНОЙ ТЕОРИИ ТРЕХ СТИЛЕЙ

В свете античной теории трех стилей и категории уместности (πρέπον, artum) рассмотрены тематико-стилевые разновидности бурлеска, выявлены сферы действия данного стиля, построена парадигма приемов его производства. Проанализированы связи бурлеска и ряда смежных феноменов (таких, как гротеск, пародия, травестия и др.), что дало возможность более четко разграничить эти понятия и уточнить соответствующие дефиниции.

Ключевые слова: *бурлеск, теория трех стилей, пародия, травестия.*

Начиная с XVIII в. вопрос об источнике и типах бурлескного комизма, а значит, и об адекватном определении бурлеска, принадлежит к числу дискуссионных. Так, французский лексикограф Ж. Леруа полагал, что роль этого источника играют особые «бурлескные слова» (*termes burlesque, mots burlesque*), например: «*Batonnade* (букв. ‘дубиниада’. – В.М.) – о побоении дубиной. Слова на *-ада* чрезвычайно часты в комедии и бурлеске» [17, с. 46]. Поэт и критик Ш. де Мариво, напротив, считал, что «бурлеск зависит не столько от буффонады слов, сколько от буффонады мыслей» [23, с. 10]. Английский лексикограф С. Джонсон уточняет: «Бурлеск состоит в диспропорции между стилем и настроением» [15, с. 33]. Роль диспропорции, несовместимости частей как источника любых форм комизма была замечена давно: *Если бы женскую голову к шее коня живописец / Вздумал приставить и, разные члены собрав отовсюду, / Перьями их распестрил, чтоб прекрасная женщина сверху / Кончилась снизу уродливой рыбой, – смотря на такую / Выставку, други, могли ли бы вы удержаться от смеха?»* (Гораций. Наука поэзии/ пер. М. Дмитриева). Комментируя эти строки, шотландский поэт и филолог Дж. Битти (1735–1803) пишет: «Очевидно то, что комический объект должен состоять из нескольких частей и что части эти должны быть в определенной степени несообразными, неподходящими, несовместимыми»; частным случаем такой гетерогенной несовместимости является, по мнению ученого, бурлеск [6, с. 119, 122].